Милосердия двери. Лазарет Ея Величества

Иван Владимирович Степанов

SHOUT
SHARE
IT

- И. Степанов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

И. Степанов
Милосердия двери. Лазарет Ея Величества

Царское Село — последняя остановка. Курьерский поезд Киев — Петроград опаздывает, а тут, как нарочно, вместо двух минут, стоим целых десять. Я дал телеграмму своим в Петербург и с волнением готовился к встрече. На Царскосельской платформе суета. Бегают санитары. Что-то кричит комендант. В поезде разыскивают какого-то Степанова… Не обращаю внимания. Ведь у меня, по статистике, в столице пять тысяч однофамильцев. В купе входит полковник с повязкой Красного Креста на рукаве.

— Вы правовед, семеновец Степанов?.. Санитары, выносите… осторожнее…

На платформе толпа. Кто-то кричит "ура". Гимназистки протягивают цветы…

Ничего не понимаю… Ведь мои все в Петербурге. Мне не хочется лежать в Царском. Я всегда не любил его… Но меня везут… Автомобиль останавливается в саду перед небольшим флигелем. Меня вносят на перевязочную. Поражает блеск чистоты. Группа женщин в белых косынках. Тишина. Восемь дней, как не перевязывали. Задыхаюсь от запаха собственного гноя. Рубашки не меняли две недели. Стыдно. Пожилая женщина в вязанном чепце с красным Крестом осторожно режет бинты.

Рядом стоит высокая Женщина и так ласково улыбается. Вот Она промывает рану.

Напротив две молодые сестрицы смотрят с любопытством на грязные кровавые отверстия моей раны… Где я видел эти лица?.. Меня охватывает сильнейшее волнение… Неужели?.. Императрица… Великая Княжна Ольга Николаевна…

Великая Княжна Татьяна Николаевна… Старший врач наклоняется и тихо шепчет мне на ухо: "Сейчас выну тампон. Будет больно. Сдержитесь как-нибудь"…

Мгновенно вспоминаю невероятную боль в дивизионном госпитале, когда вставляли этот самый тампон. Как сдержаться? В дороге я так ослаб. Но надо, надо во что бы то ни стало… Закусываю губу изнутри. Сжимаю края стола… Ловким движением тампон вырван… Сдержался… Только слезы брызнули…

Императрица смотрит в глаза, нагибается… и целует в лоб… я счастлив.

В то время лазарет этот именовался "Дворцовым госпиталем". Название не совсем правильное. Он помещался в саду большого Царскосельского госпиталя, в десяти минутах ходьбы от вокзала, — по левой аллее. Впоследствии открылся госпиталь в Екатерининском дворце, который также назывался "Дворцовым госпиталем".

Между тем, в первом Императрица работала ежедневно и лично делала перевязки.

В Екатерининский же дворец Она заезжала только изредка. Во избежании смешения именований, я называю первый "Лазаретом Ее Величества".

Это было здание, построенное для заразных, но в котором до того времени ни один больной не успел побывать. В нем было шесть палат по пяти кроватей в каждой. Одна предназначалась для солдат, которых ежедневно приносили из Большого госпиталя для операций и перевязок. Остальные были заняты офицерами.

Таким образом, наряду с более или менее постоянным составом офицеров, имелся ежедневно сменяющийся состав нижних чинов. Вдоль всего одноэтажного здания шел коридор, по одну сторону которого находились палаты.

Меня переносят в палату N 4, где лежат уже два офицера. Молодая сестра с простоватым румяным лицом и большими красивыми глазами подходит ко мне. С первых же слов я чувствую к ней искреннюю симпатию. Славная деревенская женщина. Веселая, болтливая. Она стелет мне простыни и вместе с санитаром переносит на мягкую кровать. Укладывая, все спрашивает: "Не больно ли?"

Понемногу осваиваюсь. С ней так легко говорить.

— Сестрица, мне бы хотелось помыться, почистить зубы.

— Сейчас все принесу. Обещайте, что Вы будете мне говорить все, что Вам нужно. Не будете стесняться?

— Что Вы, сестрица, с Вами не буду.

Здесь придворная обстановка. Вероятно, все люди этикета. И мне радостно, что будет хоть один человек, с которым я не буду конфузиться.

— Теперь будем Вас кормить. Что Вы хотите? Чай, молоко?

— Сестрица, спасибо. Я ничего не хочу. Мне так хорошо.

— И заслужили. Что же Вы о своих не подумали? Хотите я протелефонирую?..

— Петрограда из Царского не добиться. Я лучше напишу телеграмму.

Сестра приносит бумагу. Пишу. Она стоит, улыбается. Как-то сразу полюбил ее.

Редко видел людей, столь располагающих к себе с первого знакомства. Кто она?

Простая сиделка?

— Давайте. Я пошлю санитара на телеграф.

— Спасибо, сестрица.

Мне хочется как-то особенно поблагодарить и не нахожу слов. В комнату ежеминутно заходят дамы в белом. Осваиваюсь. Расспрашиваю соседей. Мне называют фамилии: Добровольская, графиня Рейшах-Рит, Чеботарева, Вильчковская… Все мне незнакомые. Привык читать в Свите Императрицы:

фрейлина графиня Гендрикова, фрейлина Буксгевден, гофлектриса Шнейдер и госпожа Вырубова, Эта "госпожа" Вырубова (она не имела ни звания, ни должности) меня всегда особенно интересовала. Столько про нее говорили: она ведь неразлучна с Императрицей… Мне говорили интриганка, темная сила, злой демон…

— Вы не слышали здесь фамилию Вырубовой?

— Анна Александровна? Да ведь она все утро тут с Вами провозилась и теперь ушла с телеграммой…

День в лазарете начинался в семь часов. Мерили температуру, мылись, приводили в порядок постели и ночные столики, пили чай. В восемь часов палаты обходила старший врач княжна Гедройц. Ровно в девять часов слышался глухой протяжный гудок Царского автомобиля. Вильчковский встречал рапортом. Весь персонал выстраивался в коридоре. Женщины, прикладываясь к руке, делали глубокий реверанс. На этом кончалась официальная часть. Императрица давала понять, что каждый должен заниматься своим делом и не обращать на Нее внимания. Она быстро обходила палаты с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной

Николаевной, давая руку каждому раненому, после чего шла в операционную, где работала непрерывно до одиннадцати часов. Начинался вторичный длительный обход раненых. На этот раз Она долго разговаривала с каждым, присаживаясь иногда. В начале первого Она отбывала во Дворец, откуда каждый вечер справлялась по телефону через Дочерей или Вырубову о здоровье наиболее серьезных пациентов.

В час нам давали вкусный завтрак. В два начинался прием посетителей. В четыре всем, включая и гостей, подавали чай со сдобными сухарями. В шесть прием кончался. Обед. В девять снова чай, и затем тушили свет.

По воскресеньям перевязок не было. Императрица приезжала под вечер, обыкновенно со всеми четырьмя Дочерьми (младшие по будням были заняты уроками и на перевязках не бывали). Иногда привозили Наследника. Изредка приезжал Государь.

Императрица неслышно ступала, почти скользила по коридору. Как-то неожиданно появлялась Она в дверях. Походка быстрая, слегка плечом вперед. Голову Она держала немного назад с небольшим наклоном вправо. В походке и в манере держаться не было никакой "величественности". Несмотря на высокий рост и стройную фигуру, Она не была, что принято называть, "представительной".

Слишком свободны были Ее движения. По лазарету Она ходила одна, а не "следовала в сопровождении". Не было у Нее столь свойственной Высочайшим

Особам заученной "чарующей улыбки". Она улыбалась с напряжением. Зато радостно было вдруг вызвать чем-нибудь настоящую улыбку… и какую "настоящую"!

Я никогда не слышал звука Ее голоса. Она говорила, что называется, громким шепотом. Вопреки распространенному мнению, русским языком владела хорошо.

Акцент сказывался лишь в том, что Она, как большинство иностранцев, слишком четко выговаривала каждый слог. [Букву "з" произносила скорее как "зж".]

Ровные, безукоризненные, белые зубы. Тонкие губы. Лицо немного красное. Рука большая, спокойная, тяжелая, уверенная.

В перевязочной работала как рядовая помощница. В этой обстановке княжна

Гедройц была старшей. В общей тишине слышались лишь отрывистые требования: "ножницы", "марлю", "ланцет" и т. д., с еле слышным прибавлением "Ваше Величество". Императрица любила работу. Гедройц уверяла, что у Нее определенные способности к хирургии. По собственному опыту знаю, что Ее перевязки держались дольше и крепче других.

До того времени я видел Императрицу всего раза два на торжествах и то лишь издали. По рассказам, Она представлялась мне болезненной, нервной, немощной и преждевременно состарившейся. Здесь Она показалась мне моложе Своих лет. За два с половиной месяца моего пребывания в лазарете Она ни разу не пропустила, если не считать поездок по провинциальным и прифронтовым городам. Утром в лазарете все время на ногах, днем объезды госпиталей Царского и столицы.

Вечером Она слушала курсы сестер милосердия, где преподавала княжна Гедройц.

До моего прибытия в лазарет Императрица только присутствовала на перевязках.

Я был первым, которому Она Сама сделала всю перевязку. Рана в ногу выше колена — самая легкая для начинающей. Вернувшись во Дворец, Она сказала Е. А.

Шнейдер, которая еще не знала о моем приезде: "J'ai fait mon premier pansement a votre petit aux longs cils"[1]

Через несколько дней, обходя палаты, Императрица дала мне образок и спросила:

— Вы получили Евангелие?

— Никак нет, Ваше Величество.

— Это Я забыла… Сейчас принесу.

Она быстро прошла в противоположный конец здания, где была канцелярия, и через минуту принесла мне маленькое Евангелие в светлозеленом переплете. На первой странице — большая подпись с росчерком, а рядом с ней свежими чернилами: "31-го авг. " — день моей, вернее Ее, первой перевязки.

С первого дня я понял, что выпавшее на мою долю счастье — счастье на день, что все это сказка, на которую я буду оглядываться всю жизнь. Я жил каждой минутой, каждым впечатлением, стараясь ничего не забыть. Сколько раз тогда и впоследствии приходилось вспоминать, а иногда и рассказывать эти страницы прошлой жизни. Так и остались они радостные, молодые, чистые…

На другой день после моего прибытия нас снимал придворный фотограф. Моя кровать оказалась в центре группы. За ней стали Императрица, Ольга и Татьяна.

Кругом весь персонал и другие раненые. Этот снимок был перепечатан многими журналами и даже продавались специальные открытки. Одну из них мне переслали несколько лет назад из СССР. Подлинные большие фотографии Императрица раздала каждому из снимавшихся. Она подписывала их с Княжнами. Рядом с Ними подписалась и Вырубова. Тогда это многим не понравилось. Теперь кажется правильным. Память о них неразрывна.

Императрица и Великие Княжны имели по фотографическому аппарату и постоянно нас снимали. Они внимательно следили, чтобы каждый получил снимок, охотно подписывали Сами и требовали наши подписи. Кроме того, у Них были альбомы, в которых все мы должны были расписываться[2].

На одной из первых перевязок Императрица спросила меня про мою семью. Между прочим я сказал, что волнуюсь за тетку,

которая застигнута войной во Франции.

— Моя сестра тоже осталась в Париже и я не имею о ней сведений. Постоянно расспрашивала про мою, как Она произносила, "невестушку" — передавала поклоны.

В середине сентября Императрица с Дочерьми кончила курсы на звание "сестер милосердия". Они нашили кресты на передники и видимо гордились этим отличием.

Косынки Они носили по правилам гигиены, тщательно пряча волосы. Одна из дам случайно или из кокетства выпустила прядь волос.

— Отчего Вы не хотите носить косынку, как носит сестра Романова? — ласково заметила ей Императрица.

Два раза в неделю из дворцовых теплиц нам присылали корзины срезанных цветов.

Княжны сами распределяли их по нашим столикам. Я проговорился, что люблю желтые розы, и с этого дня мне выбирали все желтые цветы.

Многие мои близкие и знакомые также приносили цветы. Раз на моем столике красовался букет красных роз и белых хризантем. Императрица долго рассматривала их и, улыбнувшись "по-настоящему", вдруг сказала:

— Они не знают, что Вы любите желтые розы.

Сама Она любила лиловый цвет.

По воскресеньям Императрица с Дочерьми приезжала иногда в часы приема посетителей. Перед Ее приходом особенно волновались дамы, так как надо было, целуя руку, делать глубокий реверанс, что, с непривычки, не всем давалось. С

посетителями Императрица обыкновенно не говорила. Родителей и близких не принято было представлять.

Исключение было сделано для старой татарки, приехавшей из Крыма, чтобы поблагодарить Ее за заботы о раненом сыне, офицере Крымского Конного полка.

Представление происходило перед дверью в нашу палату. Вместо традиционного приседания, старуха отвесила глубокий поклон в пояс, слегка притом отступив.

Поцеловала руку с вторичным поклоном и протянула букет белых роз. Старуха с белой татарской наколкой на голове была величественна и всю церемонию провела с большим достоинством без тени подобострастия. Императрица взяла цветы, передала их одной из дам и, после небольшой паузы, положила руку на плечо старой татарки, привлекла ее к Себе и поцеловала в щеку.

Как-то Императрица застала у меня мою невесту и сказала ей несколько ласковых слов. В другой раз Она приезжала, когда у меня сидела пожилая компаньонка моей тетки. Это был человек исключительных душевных качеств, но замечательно некрасивой внешности. Худая, кривая, с большой бородавкой на носу. Она происходила из глубоко-провинциальной среды.

Я был в ужасе от мысли, что ей придется встретиться с Императрицей. Не мог же я, лежа в постели, научить ее в несколько минут придворному реверансу. Сперва хотел придумать предлог, чтобы ее удалить, но ведь и ей хотелось видеть

Императрицу. Ну, будь, что будет…

Императрица остановилась в дверях, окинула быстрым взглядом присутствующих, затем сказала что-то на ухо Ольге Николаевне и, кивнув нам приветливо головой, прошла дальше. Она не кивала, а скорее как-то еще больше откидывала назад голову.

Великие Княжны подошли ко мне, поздоровались с гостьей и спросили, как я себя чувствую.

— Да что Вы его спрашиваете, — вдруг, не прибавляя титула, вмешалась милейшая

Екатерина Асенкритовна, — он же у Вас, как в раю.

— Раненый, за ним надо ухаживать, — возразила Ольга Николаевна.

— Иван Владимирович у нас молодец, да только очень Вы его балуете. Смотрите, лежит весь в цветах, а еще мужчина.

Разговор несколько минут продолжался в этом духе. На другой день первый вопрос Княжон:

— Кто это у Вас был вчера? Как ее зовут?

— Честнейшая.

— Нет, как ее фамилия?

— Это у нее такая фамилия: Честнейшая. Она дочь священника.

— Какая симпатичная. Передайте ей поклон от Нас.

Я повздорил с невестой. Настроение было скверное. Нога ныла, а тут еще неожиданно разболелось ухо. Гедройц была занята, и Императрица пришла Сама делать вливание в ухо. Видя мое печальное и, вероятно, страдальческое лицо, Она села на кровать и положила мне руку на лоб. Я смотрел Ей в глаза, и странная мысль меня волновала. Как ужасно, что это Императрица: как я хотел бы сейчас сказать Ей все свои горести так, как человеку. Найти у Нее утешение. Она ведь такая заботливая… И вот нельзя ничего сказать. Надо всегда помнить — кто Она. Мы продолжали смотреть друг другу в глаза…

— Невестушка была у Вас сегодня?

— Нет.

— Это нехорошо. Скажите Тале, что нужно каждый день заходить к своему женишку.

На перевязке говорю Государыне:

— Ваше Величество, у меня есть племянник, которого Вы крестили.

— Кто это?

Я назвал фамилию. Она задумалась.

— Помню. Четыре года назад. В последний раз видела отца, когда провожала полк на войну.

Меня поразила Ее память. Крестины происходили заочно. И кого только Она не крестила так…

Каким недосягаемым, строгим и налаженным представляется со стороны быт

Дворца. А между тем среди позолоты и роскоши те же мелочи и та же неувязка в комических подробностях. Как-то, сходя с автомобиля, Императрица обратилась к шоферу:

— Скажите, чтобы сегодня завтрак не опаздывал. Я еду днем в город.

Зная по рассказам, что Императрица очень набожна, я тщетно искал в Ней признаки ханжества. Ежедневно почти, по дороге в лазарет, Она заезжала в церковь Знамения поклониться чудотворной иконе. Ни разу в разговоре Она не коснулась религии.

По воскресеньям, в Ее отсутствии, приходил в лазарет приходской священник, кропил святой водой и исповедывал и причащал Св. Тайн желающих.

Операции производились под эфиром. Этот наркоз вызывает особенную развязность языка. И что только не говорили, пели и кричали пациенты. Иногда на весь лазарет раздавалась площадная ругань. Всем становилось неловко. Хуже всего было несчастным, которым потом сообщали, как они держали себя в присутствии

Высочайших Особ.

Бестактности проявляли и без наркоза. Так один из офицеров уверял в моем присутствии Императрицу, что немок можно всегда отличить по плоским ступням.

Другой из весьма привилегированной среды не постеснялся на перевязке попросить Императрицу натянуть ему чулки. Императрица этих мелочей не замечала и не меняла Своего отношения.

Кто-то из знакомых, слушая в лазарете мои восторженные отзывы об Императрице, спросил:

— Признайтесь, Вы слегка влюбились в Нее.

Я даже обиделся. Кто видел Императрицу так, как я Ее видел и знал, тот подтвердит, что Она принадлежала к тем особенным женщинам, которые способны внушать все чувства от обожания до ненависти, кроме обыкновенной человеческой влюбленности.

Во Дворце в комнатах Императрицы находится портрет Марии-Антуанетты

(подношение города Парижа). Найдутся люди, которые попытаются провести параллель между этими двумя несчастными женщинами. Веселая легкомысленная

Королева, покоряющая сердца, и серьезная, чуждающаяся людей и света, Императрица. Королева провела всю жизнь до самого конца на подмостках.

Императрица — всегда взаперти за оградами и охранами, оторванная от мира сего. Блистательное ли окно Дворца, слепое ли окошечко подвала — одно устремление ввысь. Ни одной "фразы", ни одной "позы", никогда о Себе. Только обязанности, долг перед Мужем-Царем, Наследником-Сыном. Никогда перед людьми — всегда перед Богом.

Всё это отошло в безвозвратное прошлое…

Сопоставим всех известных истории женщин-правительниц. Высоко и одиноко над ними стоит светлая, чистая *женщина, мать, друг, сестра, христианка-страдалица — Ее Величество Государьня Императрица Александра Феодоровна*.

На фотографиях Великие Княжны похожи друг на друга. В действительности я находил лишь весьма отдаленное сходство между Ольгой Николаевной и Марией

Николаевной. Анастасия Николаевна походила на Императрицу Марию Феодоровну.

Находили сходство между Татьяной Николаевной и Александром III.

Ольга Николаевна была самой разговорчивой. В Ней заметен был уже некоторый опыт в обращении с посторонними. Татьяна Николаевна была более застенчивой.

Обе Они становились обычно около двери или стены, заложив руки за спину.

Татьяна их за спиной скрещивала. У Нее был замечательно красивый профиль, но

"en face" Она проигрывала.

Марию Николаевну я считал самой красивой. У Нее был сильный, властный взгляд.

Помню Ее привычку подавать руку, нарочно оттягивая вниз. Приходилось еще глубже наклоняться, и это Ее видимо забавляло.

Анастасия Николаевна выглядела ребенком. Казалось, что

Она слегка косит, но я это объясняю тем, что от живости у нее просто "глаза разбегались". В кармане юбки у Нее всегда был целый запас круглых лепешек крем-брюле, которые Она горстями раздавала всем нам. Сама грызла их беспрерывно.

Видя ее любовь к сладостям, я как-то пошел на хитрость. Раненым не принято было угощать Княжон. Однажды Вера Николаевна Басина (ныне жена адмирала

Дюмениль) привезла мне коробку свежих японских вишен в сахаре. (Специальность кондитерской "des Marquis" на Морской). Я оставил раскрытую коробку на ночном столике. Анастасия сразу заметила и с удовольствием съела несколько штук, озираясь как бы старшие не видели.

В Царской Семье Детей принято было называть полным именем без уменьшительных.

С Матерью Великие Княжны говорили по-английски; между Собой по-русски. Мы Их в начале разговора называли "Ваше Высочество Ольга Николаевна, Ваше

Высочество Татьяна Николаевна…" К концу часто просто говорили "Вы".

Вырубову Княжны называли "Аней" и были с ней накоротке.

Говорить с Княжнами было трудно. Постоянно не хватало тем. Происходили томительные паузы. Мы расспрашивали о дворцовой жизни. Скучная, замкнутая обстановка. Полное отсутствие впечатлений. Княжны любили приемы, парады, но во время войны их не было.

Трогательна была Их любовь и прямо обожание Родителей и взаимная дружба.

Никогда не видел такого согласия в столь многочисленной Семье. Прогулка с Государем или совместное чтение считались праздничным событием.

Великие Княжны привозили нам по утрам пачки газет и искренне смеялись над карикатурами "Петроградской газеты". Франц-Иосиф в виде обезьянки в поводу у

Вильгельма в карикатурном изображении приводил Их в восторг. Уже в то время казалось рискованным изображение, хотя и враждебных, но все же Монархов, в смешном виде.

Часто смеялись с Княжнами над модными тогда переменами немецких фамилий.

Раненые доставлялись обычно с фронта в лазарет санитарным поездом

Императрицы, комендантом которого был улан граф Шуленбург. Мы острили:

"Теперь все меняют Петербург на Петроград — пора бы переменить Шуленбург на Шуленград".

Менялись немецкие названия. Иногда это выходило забавно: ресторан "Франкфурт-на-Майне" переименовался в "Ростов-на-Дону" и т. д.

Государь никогда не любил Вильгельма и поддерживал с ним официальную дружбу, вероятно, только в надежде личными отношениями предотвратить неизбежную войну. Рассказывали в лазарете, что в один из этих дней Государь заметил где-то во Дворце бюст Вильгельма. Он тут же приказал отнести его на чердак и там "поставить к стенке".

Особенно не терпела Вильгельма Императрица. Получив воспитание в Англии у

Своей бабушки Королевы Виктории, Она не имела особенной привязанности к Своей прежней родине. Знаю со слов человека очень близкого покойному военному

Министру П. С. Ванновскому, что по рассказам последнего одну из Сестер

Императрицы сватали в свое время за Вильгельма, но Бисмарк помешал. Будто бы с этого времени у Императрицы, кроме личной антипатии, примешивалось в отношении к Вильгельму еще и чувство уязвленного самолюбия.

В бытность в Константинополе у Абдул-Гамида Вильгельм обратился к русскому послу Зиновьеву с просьбой лично вручить его письмо Государю. Зиновьев телеграфировал в Ливадию, где находился Государь, с просьбой разрешить приехать. На телеграмме Государь пометил:

"Напомните Зиновьеву, что он посол Русского Императора, а не фельдъегерь

Германского".

Помня дружбу монархов, мы стеснялись смеяться над Вильгельмом. Зато безжалостно издевались над Саксонским Королем. Он перед самой войной был в

Царском Селе и получил при Дворе прозвище "короля бестактностей". Из серии его "гаф" приведу одну.

На вокзале, уезжая, он простился с Государем и Великими Князьями и, не обращая внимания на Свиту, прошел в вагон. Кто-то напомнил ему, что он забыл подать руку всем присутствующим. Король подошел к первым двум свитским, подал им руку и затем, сделав в сторону остальных грациозный жест в воздухе, сказал: "Und so weiter mein lieben Herschaften"[3].

Эта фраза постоянно кстати и некстати применялась нами в разговорах с Великими Княжнами и между собой.

Однажды Княжны остались у нас завтракать и нашли, что у нас кормят лучше, чем во Дворце.

"Мы Вам будем оставлять порции"…

По вечерам Княжны вызывали к телефону тех, кто был на ногах. Всегда казалось, что во время разговора по дворцовому проводу кто-то подслушивает.

Сказали Княжнам.

"Мы к этому привыкли. Во Дворце это всегда так".

Младшие Княжны завидовали старшим. Они не носили сестринских одеяний и бывали у нас лишь раз в неделю. По рассказам старших Княжон, Они были ежедневно в курсе всех мелочей нашего быта.

Была у нас сиделка немного глуховатая. Производила она впечатление придурковатой. Поручик Соседов как-то поспорил с ней.

— Сестра, да Вы просто того. У Вас не все дома.

— Конечно, не все дома, — ответила та, — у меня дядя на войне.

Все захохотали и следом рассказали Княжнам. Через неделю приезжают младшие

Княжны. Первый вопрос:

— Соседов, покажите, у кого дядя на войне.

У нас в палате Великая Княжна Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна.

Поздоровались. Неловкое молчание.

О. Н. — "Что у вас нового?"

"Ничего, Ваше Высочество, вот Соседов вчера градусник разбил… "

Молчание.

"Ваше Высочество, что Вы вчера делали!"

О. Н. — "Ездили в Петербург".

"Ваше Высочество, такого города в России нет".

О. Н. — "Не придирайтесь, Петроград. Были в Н-ском лазарете".

"В каком месте, Ваше Высочество?"

О. Н. — "Не помню на какой улице. Знаете, мимо Александрийского театра, потом по такой желтой улице и дальше через мост с черными башенками… "

Т. Н. — "Ольга нашла в лазарете одного офицера Своего полка. Счастливая… А

я вот уже три недели не могу добиться, где мои раненые уланы.

О. Н. — "Что Вы вчера вечером пели?"

"Мы, Ваше Высочество… Откуда Вы знаете?"

О. Н. — "Михалевский говорил Марии по телефону, что у Вас в палате поют…

Нет, скажите, что Вы пели?"

"Одну старую песню. Не пели, а напевали".

О. Н. — "Напойте сейчас".

"Что Вы, Ваше Высочество, не могу — я раненый".

Княжны смеются: "Вы же ранены в ногу".

"Княжна Гедройц говорит, что весь организм потрясен нервно".

Т. Н. — "И у Вас дядя на войне?"

Общий смех.

О. Н. — "Нехорошо. Вы должны спеть, хоть вполголоса".

"Пусть Соседов напевает. У меня ни голоса, ни слуха".

Вполголоса мы затягиваем:

Город спит во мгле туманной-манной-манной,
Освещен лишь Бельведер-дер-дер
И играет иностранный-странный-странный
На гитаре офнце-цер-цер.

Княжны смеются и требуют продолжения. Мы поем смелее:

Голос плакал музыканта-канта-канта,
Вдруг услышали его…

Из соседней палаты входит офицер:

"Ваше Императорское Высочество, разрешите доложить".

Т. Н. — "В чем дело?"

"Ваше Императорское Высочество, у нас в палате все волнуются. Вы сегодня не хотите к нам зайти".

Княжны: "Подождите. Мы сейчас. Разве Мама начала обход?"

"Последнего понесли на перевязку уже пять минут назад". Княжны: "Надо уходить. До свидания". "Ваше Высочество, а Вы знаете песню?.. Княжны (в дверях): "Завтра споете". Выйдя в коридор, Ольга Николаевна оборачивается:

"Тсс, Мама' идет…"

Великие Княжны хорошо знали личный состав Гвардейского экипажа. Всех офицеров яхты "Штандарт" называли по фамилии. Знали также и многих матросов.

Любимчиком был дядька Наследника матрос Деревенько. Он бывал у нас в лазарете. Полный, высокий, краснощекий, черный, отталкивающий. Наследник его очень любил. После революции Деревенько остался во Дворце, быстро распустился, стал спекулировать на заказах обуви и был уволен. Он оправдывался нуждой и многосемейностью…

В Гвардейский экипаж выбирали матросов по наружности.

Красавцы были на подбор. Даже в приеме офицеров обращали внимание на внешность. Все были хороши, начиная с командира — Великого Князя Кирилла Владимировича…

Наибольшим успехом пользовался флигель-адъютант Н. П. Саблин. Княжны неоднократно весьма лестно отзывались о нем. После революции он во Дворец не пошел…

В сентябре Императрица с Дочерьми и Вырубовой поехали осматривать госпитали в прифронтовой полосе. Возвращаясь, Они неожиданно остановились в Луге. С

трудом нашли извозчиков и поехали в госпиталь. Там Их не узнали и сперва не хотели впустить. Этот экспромт очень понравился Княжнам.

— А у Вас хватило денег на извозчиков?

— Представьте себе, что денег у Нас было мало. Но главное, что, узнав Нас, извозчики не хотели ничего брать.

С Княжнами можно было говорить о чем угодно. Только одной темы Они избегали:

о смерти. Рассказ о смерти кого-нибудь из близких как-то быстро обрывался.

Точно Им страшно было слушать.

…В отсутствие Княжон мы постоянно говорили между собой о них. Что Их ждет в будущем?

Мы предполагали, что Они выйдут замуж за четырех балканских наследников. К тому же этот проект казался нам наилучшим способом разрешения всех балканских конфликтов… Нам хотелось видеть Княжон счастливыми… мы Им прочили венцы…

Несколько раз бывал Наследник. Здесь я не могу писать спокойно. Нет умения передать всю прелесть этого облика, всю нездешность этого очарования. "Не от

Мира сего" — о Нем говорили — "не жилец". Я в это верил и тогда. Такие дети не живут. Лучистые глаза, печальные и вместе с тем светящиеся временами какой-то поразительной радостью.

Он вошел почти бегом. Весь корпус страшно, да, именно страшно, качался.

Больную ногу Он как-то откидывал далеко в сторону. Все старались не обращать внимание на эту ужасную хромоту. Он не был похож на Сестер. Отдаленно на

Великую Княжну Анастасию Николаевну и немного на Государя.

Поздоровавшись со всеми, несколько застенчиво протягивая вперед руку, Он стал посреди палаты и окинул всех быстрым взглядом. Увидев, что я лежу (остальные были на ногах), а, может быть, заметив, что я самый молодой, Он подошел ко мне и сел на

кровать. Я так хотел любоваться Им и так боялся, что он уйдет слишком скоро, что решил занять Его разговором. Но что сказать?

"Где Вы были ранены?" — отрывисто спросил он.

Я объяснил обстановку боя и показал, по его просьбе, на карте.

"А сколько Вы сами убили австрийцев?" — прервал он меня.

Я смутился. Пришлось признаться, что ни одного австрийца я не убил.

Наследник прошел в другую палату, через четверть часа снова вернулся и сел на трубу парового отопления.

Это Ему запрещалось, но Сестры стеснялись надоедать Ему. При входе Матери Он подошел к Ней и все остальное время просидел рядом с Ней. Он был в матроске.

Лучше всего удалась известная фотография, где Он сидит в кресле, повернувшись лицом к аппарату, сложив руки на коленях. Мы несколько раз просили Его подпись, и Он всегда охотно подписывал Свои фотографии, тщательно при этом копируя росчерк Матери и длинную перекладину на букве "А".

Вырубова всегда приезжала на автомобиле с Высочайшими Особами. В палаты она заходила одна, когда никого из Них не было. Каждого подробно обо всем расспрашивала. Очень смешила нас всякими пустяками. Всегда в прекрасном настроении. Ее добродушие и сердечность как-то вызывали на просьбы. И с какими только просьбами к ней не обращались!.. Сколько вспомоществований, стипендий, пенсий было получено благодаря ей. Она ничего не забывала, все выслушивала и через несколько дней радостно сообщала всегда благополучные результаты. От благодарности отказывалась.

— Я тут ни причем. Благодарите Ее Величество."

Хорошо сказать "ни причем". А кто бы решился обратиться непосредственно?

В одежде Вырубова была слегка неряшливой. Одевалась безвкусно. Без косынки казалась старше. Я заметил у нее стоптанные искривленные каблуки.

Были просьбы весьма интимного свойства. Один пожилой капитан имел внебрачную дочь. Теперь из-за ранения он не мог больше содержать ребенка. Последнему была устроена пенсия и полная стипендия в учебном заведении.

Я встретил его на юге в 1920 году.

— Мы с Вами были в одном лазарете в 1914 году. — Возможно, не помню, — сказал он и заговорил о другом. А пробыли мы с ним в постоянном общении целый месяц тогда.

Несколько раз меня навещала Екатерина Адольфовна Шнейдер. "Трина" звали ее при Дворе. "Тетя Катя" привык

слышать я у своих. Пожилая (ей было под семьдесят), она казалась моложе своих лет. Стянутая, сухая, этикетная, она производила впечатление бесцветной и безличной. Я много раз встречал ее в семье ее двоюродных сестер, рожденных Ламберт. Она сама никогда не говорила о

Царской Семье. С трудом удавалось узнать от нее какую-нибудь самую незначительную мелочь дворцового быта.

Она происходила из бедной семьи. В свое время она каким-то образом попала в учительницы русского языка к Великой Княгине Елизавете Феодоровне, когда Ее

Высочество вышла замуж за Великого Князя Сергея Александровича.

Когда молодой Императрице понадобилось учиться русскому языку, Е.А.Шнейдер перевели к Ней, и с этого времени и до самого конца она оставалась при

Царской Семье неотлучно.

После ухода Тютчевой она фактически заменила ее при Княжнах. Незаметная, незаменимая — она была известна тем, что никогда ни о чем не просила. Может быть этим объясняется, что Императрица так настаивала на доставке меня в лазарет.

Трудно представить себе больший контраст, чем Вырубова и Шнейдер. Первая — порыв, экспансивность; вторая — спокойствие и сдержанность. Разное выражение одной и той же глубокой любви и преданности. Так и вижу, как прямо, без колебания, шла она по страдному пути… как просто, без единого слова пошла на расстрел неподалеку от Тех, без Которых жизнь была для нее немыслимой.

Утром, по воскресеньям, в отсутствии Императрицы, приезжали Особы Императорской Фамилии.

Великий Князь Константин Константинович задавал каждому офицеру один и тот же вопрос: "Какого училища?" Занимая должность инспектора военных учебных заведений, Он всем своим питомцам говорил "ты".

— А когда ты Меня видел в последний раз? — был обыкновенно второй вопрос.

Мой ответ: "Императорского училища правоведения", — заставил Его изменить шаблон. Он заговорил со мной на "вы", что меня обидело. Странно: несколько недель раньше в роте меня задевало "тыкание" солдат.

Его Сыновья, Князья Игорь Константинович и Константин Константинович, бывали часто и говорили с нами о военных действиях. Нас поражало их плохое знание карт.

Виктория Феодоровна прошлась только по коридору, не сказав никому ни слова.

Великая Княгиня Ксения Александровна посетила лазарет вскорости после открытия. В то время, вначале, офицеры особенно стеснялись говорить первыми.

Сама Она была неразговорчивой, и визит Ее прошел в полном молчании.

Императрица как-то приехала со Своей Сестрой, Великой Княгиней Елизаветой

Феодоровной. Она была в белом монашеском одеянии. От былой красоты не осталось и следа. Казалась Она значительно старше Сестры. Ее Высочество раздавала нам Свои фотографии с подписью. Говорила по-русски с сильным акцентом и всем Своим "елейным" видом оставила по Себе неприятное впечатление. Пройденный Ею мученический путь показывает как ложна может быть поспешная оценка.

Большое волнение вызвал приезд Принца Александра Петровича Ольденбургского.

"Августейший эвакуатор", как Его тогда называли, наводил на всех страх.

Никогда персонал так не волновался и не чистил каждую мелочь. Знали Его привычку обращать внимание на самые неожиданные вещи. О нем ходят многочисленные анекдоты. Приведу один характерный, правдоподобный, но, может быть, и не совсем достоверный.

При объезде эвакуационных пунктов Он на одной станции разнес всю санитарную администрацию, кого сменил, кого арестовал и, в конце концов, свирепый, прошел к себе в вагон. Адъютант напомнил, что один из присутствующих проявил много энергии и пожертвовал большие деньги на Красный Крест. Принц стремглав понесся по платформе. Все задрожали от страха. Подойдя вплотную к благотворителю, Он громко крикнул:

— Вы господин НН?

Тот навзничь… его подымают… не дышит, — разрыв сердца…

В Училище правоведения я привык за десять лет видеть Его неоднократно и, как все, без исключения, правоведы, любил Его. Ждал приезда с нетерпением, надеясь обратить на себя Его внимание. Но Он не зашел в лазарет, а отправился в большой госпиталь, где лежали солдаты, промчался под чердак в помещение санитаров и, убедившись, что и там чисто, уехал, выразив всем Свое удовлетворение.

Неоднократно готовились к приезду Императрицы Марии Феодоровны, но Она, к общему огорчению, так и не заехала.

Великая Княгиня Мария Павловна, вдова Владимира Александровича, узнав, что я семеновец, особенно долго со мной

говорила. Ее Сын, Великий Князь Борис

Владимирович, числился в списках полка. Я напомнил Ей, как Она провожала полк на войну 2 августа. Со спокойной, приветливой улыбкой Она тогда в открытом экипаже объезжала фронт полка в сопровождении Своей Дочери, Греческой Принцессы Елены Владимировны.

— Ах, это было так ужасно, — вспоминала Она теперь.

Первые две недели я пролежал в средней палате, а затем, как только освободилось место, меня перевели в крайнюю, самую шумную, где лежали лейб-уланы Малама и Эллис и кирасир Карангозов. Малама был молод, румян, светловолос. Выдвинулся перед войной тем, что, будучи самым молодым офицером, взял первый приз на стоверстном пробеге (на кобыле "Коньяк"). В первом же бою он отличился и, вскорости, был тяжело ранен. В нем поражало замечательно совестливое отношение к службе и к полку, в частности. Он только видел сторону "обязанностей" и "ответственности". Получив из рук Императрицы заслуженное в бою Георгиевское оружие, он мучился сознанием, что "там" воюют, а они здесь "наслаждаются жизнью". Никогда ни в чем никакого чванства. Только сознание долга. Императрицу он любил горячо. Рассказывал как, провожая в Петергофе полк на войну, Она "горько плакала во время молебна навзрыд, точно провожала родных детей".

Мы встретились с Маламой в Киеве в 1918 году и долго вспоминали лазарет… Он был убит в конной атаке под Царицыным…

Рядом с ним лежал или, вернее, постоянно ходил корнет Эллис. Он казался моложе меня. Раненый в грудь, он все проделывал гимнастические упражнения, чтобы убедиться, что выздоровел, и тем только вредил лечению. [Он любил поэзию и часто декламировал Апухтина. Помню, как с наивно-напускным пафосом он читал: свое любимое "С курьерским поездом".

И вот рука в руке и взоры опустив,
Они стоят, боясь прервать молчание,
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уходит прочь еще воспоминание…

Третьим лежал корнет Карангозов. Восточные черты, чернота, горячий и большой весельчак. По утрам он будил всех фальшивым пением:

Где пропадала ты всю ночь
Безумная шальная дочь…

Дальше мы все хором подтягивали. Из соседней палаты доносилось громкое возмущение придирчивого капитана Шестерикова. Но мы не унимались:

……в ответ
Ах Мама, мать, как чуден свет!
Я жить хочу, любить хочу,
Не проклинай же дочь свою.

Малама, Эллис и Карангозов, бывшие пажи и светские люди, умели непринужденно занимать Княжон разговором. Обыкновенно Княжны уходили из перевязочной раньше

Матери и, пройдя по всем палатам, садились в нашей, последней, и там ждали

Ее. Татьяна Николаевна садилась всегда около Маламы. Она была Шефом армейского уланского полка, считала Себя "уланом", причем гордилась тем, что

Родители Ее уланы. (Оба гвардейских уланских полка имели шефом Государя и

Императрицу. "Уланы Папа" и "уланы Мама", — говорила Она, делая ударение на последнем "а".

[В соседней палате помещался раненый в руку поручик Крат. Белесоватое лицо, светлый квадрат бороды. Глаза маленькие, неприятные. Его походка вызывала желание подсчитывать "левая… левая… ать, два, три, четыре". Он обладал громким голосом и целыми днями разглагольствовал на весь лазарет.

Полковник Вильчковский проводил большую часть дня в лазарете и его эти разговоры на 25-м году службы не трогали. Я же за месяц службы рядовым солдатом не успел воспринять их прелести. Вильчковский часто садился ко мне и беседовал на самые разнообразные посторонние темы. Говорили с ним и о политике. Крат этого не терпел.

— Офицер должен интересоваться только службой… Верно я говорю, господин полковник?

Я читал в то время "Поединок" Куприна и при входе Крата прятал книгу под одеяло. Как нижний чин, я не мог с ним особенно спорить. Офицер он был доблестный. Рвался на фронт и при мне успел вернуться снова в лазарет вторично раненый уже с орденом св. Георгия.

В 1920 г. я ехал в составе бредовского отряда из Польши в Крым. На пароходе

"Саратов" с нами следовала дипломатическая миссия от

Петлюры и в ее составе блестел яркой формой украинский "пілковник" Крат. Мы столкнулись на палубе, всмотрелись… и прошли мимо…

Его собеседником и соседом по палате был корнет Гордынский. Он носился по лазарету на длинных костылях в желтом халате. Славный малый. Впоследствии я прочел, что он пользовался большой симпатией Вырубовой. В то время я этого не замечал, тем более, что он очень скоро был переведен в Матвеевский лазарет для выздоравливающих.

Не помню фамилии артиллериста, который долгое время занимал соседнюю койку со мной. Глубокий провинциал. Читая тогда "Поединок", я в разговорах с ним убеждался, как верно взяты типы. Мы с ним встретились в Николаеве перед концом Добрармии. Заговорили о лазарете, но через несколько фраз он съехал на

"сахар, кожу и крупу", в которых очень нуждался его бронепоезд.

Настроение у всех нас было бодрое, уверенное. Вероятность победы определяли по разнице расстояний от фронта "до Петрограда" и "до Берлина". Как-то

Вырубова сообщила, что Государь сильно взволнован гибелью крейсера "Паллада".

Нам казалось это пустяком при столь большом флоте. Любопытно, что от всего корабля уцелел лишь образ, висевший внутри кают-компании…

При приеме санитарных поездов офицеров не фильтровали. В лазарет попадали из разных частей и фронтов. Только через две недели кн. Гедройц проводила с

Вильчковским некоторую сортировку. Выздоравливающих отправляли в другие лазареты и освобождали места для новых. Особое расположение ко мне, как самому молодому, позволило мне пробыть сравнительно дольше других.

Не все одинаково относились к возможности пользоваться вниманием Царской

Семьи. Так, один капитан из глухой провинции с первого же дня стал все критиковать. И кормят плохо, и уход неудовлетворительный, и вообще все "не комфортабельно".]

Белье в лазарете носило метку "Склад Супруги Великого Князя Павла

Александровича". Она тогда не имела титула "княгини Палей". Ее семья Карнович в былые годы была близка семье моего отца. Я хотел при ее посещении назвать себя, но не решился, так как никто не мог мне сказать, каким титулом ее величать.

Ко мне пришла пожилая дама с большой коробкой конфет.

Подробно расспрашивала обо всем, что касалось полка и сильно озадачила вопросами, на которые я не мог ответить. За короткое пребывание в рядах полка я не успел узнать даже фамилии многих офицеров. Она же знала всех. Говорила о каждом с любовью, как о близком и дорогом. Просидела целый день и, уходя, оставила свой номер телефона, взяв слово, что я буду обращаться к ней по всякому поводу. Быть чем-нибудь полезной семеновцу — для нее радость. Кто она? Тщетно расспрашивал я тех, кто жил в Царском. Позвонили в справочное бюро телефонов.

Екатерина Сергеевна Мин.

Она навещала меня часто. Приносила цветы и сладости. Ей видимо, особенно было приятно говорить с семеновцем, и говорила она с увлечением всегда на темы, близкие полку. Мне хотелось, чтобы Императрица видела ее, и я прозрачно намекнул, в какие дни и часы можно встретиться с Царской Семьей в лазарете.

Ни разу она не пришла в указанное время — казалось она считала неудобным

"лезть на глаза". Между тем, она действительно по-настоящему бескорыстно обожала Царскую Семью.

При первой вести об отречении, революционеры "бескровного февраля" сочли необходимым поиздеваться над беззащитной вдовой усмирителя московского вооруженного восстания 1905 года. Группа вооруженных людей пошла арестовывать одинокую престарелую женщину.

Словам не поверили. Ворвались в гостиную.

Екатерина Сергеевна Мин лежала в гробу. Смерть постигла ее накануне…

На Государя эта смерть произвела очень тяжелое впечатление. Он Сам приехал навестить семью покойного и на другой день присутствовал при выносе его тела.

В день похорон ген. Мина, командир Гвардейского корпуса ген. — адъютант Данилов издал приказ, гласящий: "Клянусь и призываю всю старую Императорскую гвардию поклясться со мною, так же, как и Ты храбро и безбоязненно соблюсти верность нашему природному Государю и Родине. А если бы кому и пришлось пережить минуты случайного колебания, пусть придет в храм Л.-гв. Семеновского полка помолиться у Твоего праха и почерпнет новые несокрушимые силы для исполнения своего долга. Семеновская церковь* приобрела для нас особое значение исцеления от самого ужасного недуга — колебания".

Персонал замечательно заботился о нас. С ранеными этого "медового месяца" войны носились, как с самой замечательной новинкой. Цветы, угощения приносились знакомыми и

незнакомыми в изобилии.

Дисциплину держала княжна Гедройц. У нее была совершенно мужская наружность.

На фотографиях она в меховой шапке выглядит просто мужчиной. Говорила резко, но была внимательна и сердечна. В серьезных случаях к ней для консилиума приезжал доктор Боткин. Впоследствии я слышал, что ее отношения с Императрицей испортились из-за Распутина. После ранения Вырубовой он стал бывать в лазарете. Княжна Гедройц просила его не приходить, сказав, что иначе сама уйдет. Это было в ее духе. Резкая, прямая и правдивая.

В то время я ездил из Петрограда в Царское по два-три раза в неделю.

Возвращался обыкновенно поездом 5.22. Второго января 1915 года я собрался, но не помню почему отложил поездку. В этот день с этим самым поездом произошла ужасная катастрофа, в которой была искалечена Вырубова. На другой или третий день я проезжал мимо этого места — около Воздухоплавательной остановки.

Вагоны лежали под насыпью, разбитые в щепки. Я посмотрел на вагон второго класса, куда я садился в последнее время. Он был сильно поврежден…

О приезде Государя нам сказали накануне. Все были взволнованы. Видеть, говорить с Государем в такой обстановке… Какие чувства только не пробуждались при этом ожидании! Культ Царя. Обожание личности. Все это жило в семье моей из поколения в поколение.

Один мой предок, будучи предводителем дворянства, готовился к приезду

Государя с трепетом и благоговением. Но, когда показалась Царская тройка, он сел верхом и ускакал на хутор.

"Не хочу, чтобы Государь подумал, что я у Него что-нибудь хочу просить. Не надо мне ничего. Все, что мог для приема, сделал".

Другой мой предок (Иваненко) еще при Николае Первом вместе с женой простоял на коленях перед иконой, пока Государь ночью ехал по большому тракту мимо их владений.

Родной дед мой без волнения не произносил самого слова "Государь". Ближайшее к нам поколение уже критиковало и даже резко, особенно после 1905 года, правление Государя. Но самый культ личности сохранился, вопреки всему. Мне разрешилось не ходить в училище, если в этот день была возможность на параде или где-нибудь увидеть Царя.

Много раз я Его видел, но никогда так близко. А вдруг Он

заговорит со мной?

Хватит ли смелости отвечать на вопросы?

"У Государя замечательные глаза", — говорили обыкновенно.

"На докладах у Государя два выражения: взгляд в окно — значит, как вы мне надоели, либо улыбка, т. е. вы мне говорите неприятности".

Обер-прокурор привез Государю Библию издания Синодальной типографии. Государь открыл ее и сразу вернул: две страницы носили один и тот же номер. Опечатка — единственная во всей книге.

"Вот со мной всегда так, — прибавил Он, — непременно бросится в глаза самый незаметный для других недостаток".

На длиннейшем докладе Министерства Государь Собственноручно исправил две случайные описки.

Вильчковский, особенно заботливо ко мне относившийся, решил вызвать мое производство в прапорщики и сказал мне о своем намерении рекомендовать меня

Государю. Я искренне запротестовал. Мне не хотелось быть произведенным в офицеры. Я знал, что к раненым офицерам относятся строже, чем к солдатам.

Лазарет меня уже испортил. Я боялся, что прапорщика скорее вернут на фронт.

Кроме того, солдатская форма меня выделяла. Мне хотелось по выходе из лазарета еще покрасоваться в качестве раненого добровольца Георгиевского кавалера. Но Вильчковский был неумолим.

Государь приехал вечером. В первом автомобиле сидели в два ряда: Государь, Наследник и одна из Великих Княжон; за Ними Императрица и другая Дочь. Во втором автомобиле: две Великие Княжны, которые на возвратном пути обменялись с ехавшими в первом; затем Боткин и Вырубова.

Все посетители при входе в лазарет надевали белый халат. Даже Великие Князья.

Этого требовала Императрица. Поднесли халат и Государю. Он отказался.

Государыня не настаивала. Было заметно, что Она волнуется в присутствии Мужа.

Она шла не рядом с Ним, а то заходила вперед, то отступала назад, стараясь выделять Его. Казалось, Ей не хотелось стоять с Ним рядом. Как только Государь входил в палату, Она садилась.

В лазарете, как, впрочем, всюду и везде, Государю "показывали", а не Он сам смотрел.

Он был в кителе и в снаряжении.

Государь подал всем руку. Каждый из нас рапортовал полк,

чин и фамилию. Ко мне Он подошел в последнюю очередь. Я отрапортовал, глядя восторженно в глаза. В них была какая-то печаль. При всем воодушевлении, которое я испытал тогда, — в глубине души ощущалась какая-то смутная тоска. Как объяснить взгляд? В нем была привычка. И вместе с тем, человек отсутствовал.

Глядя на Государя, хотелось забыть себя, жить только для Него. Не быть. В Нем быть. Только Он.

Как действовала все же эта улыбка…

Как только я кончил рапортовать, Вильчковский стал давать Государю всякие лестные обо мне сведения. Государь переводил глаза от него на меня и молча слушал. В левой руке Он держал фуражку, а правой сжимал ремень снаряжения. На мгновение Он поднял эту, слегка согнутую в ладони, руку и погладил свои усы

(тем местом, где в вытянутом положении конец большого пальца касается указательного).

Этот жест очень характерен. Рассказывали, что только раз Он был запечатлен на фотографии, но Дворцовый комендант приказал уничтожить негативы.

Государь выслушал Вильчковского и спросил меня про полк, про командира, про бой… Затем, пожелав мне скорее поправляться, пошел дальше.

Как описать настроение, охватившее нас после отъезда Государя. Я плакал самыми счастливыми горячими слезами.

Кто не испытывал этих чувств, тот никогда их не поймет.

Воспоминания, связанные с лазаретом, так сказочно хороши. Что это было за настроение?

Казалось с каждым днем радостнее живется. Только бы все это так продолжалось… Пусть остановится время… Но время шло…

Покинул я лазарет случайно, днем, в отсутствие Августейшей Семьи. Прибыли новые раненые. Меня перевели в лазарет для выздоравливающих. Через день зашел поблагодарить. Приходить потом в лазарет было неловко. Состав раненых менялся быстрее.

Императрица говорила со мной в последний раз в лазарете. Не было "прощайте", только "до свидания".

Несколько раз встречал Царские автомобили… узнавали и приветливо кивали

Княжны. Отдал честь Наследник.

На Песках, около Смольного, в 1916 году в последний раз вытянулся перед Ними во фронт. И тут узнали.

Спустя много времени узнал, что из Тобольска Великие Княжны писали нашей родственнице и спрашивали о жене и обо мне…

…Время шло. Почти полвека…

…Остается ли у кого еще в душе след от "Лазарета Ее Величества"? Помнят ли его, — "милосердия двери"…

И.В. Степанов

"Августейшие сестры милосердия"/Сост. Н.К.Зверева. — М.: Вече, 2006

Печатается по: "Возрождение". N67. Июль 1957. Париж

notes

Примечания

1

Я сделала свою первую перевязку вашему малышу с длинными ресницами(фр.)

2

Один из альбомов в кожаном переплете с автографами раненых, где есть и роспись автора этих воспоминаний, хранится в Государственном архифе РФ в личном фонде Великой княжны Татьяны Николаевны: ф 651, оп. 1, д. 26.

3

И так далее, милостивые государи" (нем.)